

НАУКА, КУЛЬТУРА, РЕЛИГИЯ

Н.С. Коноплев

МЕСТО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В РАСКРЫТИИ ГЕНЕЗИСА РЕЛИГИОЗНОЙ ДУХОВНОСТИ

(К постановке вопроса)

Н.С. Коноплев, зав.
кафедрой философии ИГУ,
д. филос. н., профессор

Рассмотрены этапы раннецивилизационного становления науки – этап пранауки (преднауки) и этап рецептурной науки. Последний способствовал организации феномена религиозности как такой духовной сферы, которая оттеснила веру от прежде занимаемых ею позиций. Это, в свою очередь, привело к превалированию разума – важного подспорья в обосновании значимости для человека его земного самоутверждения, а также к раскрытию того, что сложившаяся на рациональной основе философия является необходимым условием объемно-обобщенного, снимающего «запредел», воспроизведения реально запечатлеваемой и социально востребованной «земноданности».

КУЛЬТУРА – ПРЕДПОСЫЛКА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫЗРЕВАНИЯ ДУХОВНОСТИ

Религия как форма духовности всплывает цивилизационным руслом (пробившем себе ложе примерно с девятого тысячелетия до нашего времени), когда произошло «великое разделение труда». В этих условиях умственная деятельность обретает самостоятельность, а вот физическая – собственно труд – последовательно уступает место стимулирующей производству технике (достигающей зрелости практикой НТР). Проследим путь духовного совершенствования социума с позиций диалектически воспроизводимого антропологического материализма, содействующего увязке компонентов личностного «Я» (для нас это важно в том отношении, что мы

хотим – как это видно из темы статьи – выразить объясняющую роль «начальной науки» применительно к генезису религии) общественно вызревающими установками (например, теми, которые ответственны за институализацию социума). Как известно, на древе рода Homo вид Homo Sapiens утвердился примерно 45 тысяч лет назад. Это произошло благодаря обретению прекрасной половиной человечества пусть временного, тем не менее, ведущего, затверждаемого социально адаптированной устойчивостью, положения по отношению к сильному полу. Отмечаемое обстоятельство позволило людям не только сохраниться (что оказалось весьма значимым для воспроизводства поколений), но и наметить перспективы дальнейшего совершенствования. Нарботка традиций способствовала закреплению культуры, которая есть не что иное, как умение их использовать для усиления коллективистски настраиваемого общежития. В таких условиях индивидуальное начало приглушено, зато торжествует матриархально «внедряемое» равенство. Культура как система «социозацикливаемых» традиций наращивает мощь моногамно сорганизовываемой семейственностью. Созданная многими поколениями женщин семья – как это ни покажется парадоксальным – незаметно «уплывает» из их рук в «мужские объятия»: обретает патриархальный статус. Наступает эра «индивидуального престижа»: культуру оттесняет цивилизация, «завербованная» прогрессом и часто пренебрегающая традициями. Теперь уже мужчины вершат социальную ситуацию, выверяя ею открывшиеся общественные отношения. Им сопутствует последовательно набирающая силу массовая индивидуализация социума (пик ее падает на наши дни). Благодаря ей вызревающая духовность наконец-то сполна заявляет о себе мощью рации («укомплектованного» разумом, рассудком, интуицией...). Она оперирует не только пронизанным жизненными реалиями знанием, но и его «антагонистом» – верой.

ПРОТИБОБОРСТВО РАЦИО И ВЕРЫ

Если знание опирается на внешнеощуцаемо (т. е. при опоре на дистантные и контактные ощущения) «пролонгируемую» информацию (отсюда оно «макроскопично»), то вера «достигает безмолвного престижа» обработкой в коре больших полушарий устремляющейся внутренними (тактильными, висцеральными, кинестетическими, равновесия, болевыми, температурными, вибрационными...) ощущениями «трансцендентно постулируемой информации»... Терпимая в условиях неиндивидуализированной духовности (эта «духовность» – миф, и мы не случайно ее закавычиваем, поскольку носитель подобной, с позволения сказать, духовности – миф – не содержит самосознающего центра; такой центр – прерогатива складывающейся цивилизационными усилиями личности) паритетная соотносимость рации и веры с развертыванием цивилизации (делающей ставку на «омассовленного индивида») постепенно сходит на нет. Вера,

теряя «социальный кредит», препятствует «земноутверждающей политике социума». Однако последний неудержимо – под прикрытием цивилизационно закрепляемого прогресса – преобразовывается системой общественных отношений, утверждающей: «Человечество здесь – на Земле – пребывает в лучшем из миров». Опирающиеся на разум знания прививают людям убеждение: посюсторонность – это совершенство. Вера, информационно связанная с «запределом», противодействует общественному процветанию: она хотела бы приковать наше внимание к миру не от «мира сего». И цивилизации приходится довольно жестко поступать с нею. Опираясь на «конкретные человеческие плечи», она (т. е. цивилизация) «заинтриговывает» их «обладателя» трудоустройством для добывания «хлеба насущного». И человек «земной юдолью» обеспечивает смысл своего существования. А иначе что прикажете делать? – Да, лишь приобщенностью к «земноданности» индивид удовлетворяет свою неутолимую и кратковременную страсть быть посредником между тем, что есть, и тем, что еще предстоит пережить. Не покидающий человека страх за «день грядущий» (А.С. Пушкин /1799–1837/) «пресловуто вещает»: цивилизация не в силах устранить веру из «подлунного обихода». Согласимся, вера не покидает нашу духовность, скрываясь «предельными зигзагами памяти». Туда ее (т. е. веру) желает упрятать рацию, «прибодряющий» рядового обывателя «прелестью земных очертаний». Балансируя на крыльях разума и веры, наш далекий – времен «мифозаброшенности» (а это десятки тысяч лет назад) – предок выходил на стезю детерминационного самовыражения, что означало: человек, прежде всего, сопричастен к земному притяжению – к жизни здесь («качелями бедствий и радости»), а не «там», где царит «безмолвие горней предопределенности сущего». Предельный детерминизм – главный компонент представленной мифом архаической, коллективистской по своей природе духовности – открывал перспективу научному обеспечению социальной практики, которая, заручаясь поэтапно осваиваемым «логическим действием», обеспечивала набирающую потенциал науку «поисковой разрядкой». Наука вырастает на «развалинах» мифа. Цивилизация своим производственно-духовным прогрессом «переваривает» «приказывающий долго жить» миф системой каузальных связей, уточняемых впоследствии причинно-следственными «заготовками». Наука, как мы видим, порождена мифом, который обеспечивал себя рассудком и верой. При этом рассудок привязывал носителя мифа – первобытный коллектив – к ценностям земной жизни, вера уводила робко прорастающую духовность подальше от маячивших на жизненном горизонте цивилизационных высот. Рассудок – носитель знания – активно противостоит вере, и вся человеческая цивилизация (а это последние тысячелетия) «взвинчивается» отмечаемой конфронтацией. По ее результатам «выстиляется» обыденное сознание, обретающее индивидуализированную репрезентативность. Оно

характеризует уровень связи между людьми, когда их опытное отношение к реальной действительности промеряет научный подход к ней. Детерминизм как важнейший компонент мифа предстает обыденной духовностью, пронизанной тщательным «освидетельствованием» конкретными делами. И люди «миллионноразовыми» усилиями приобщались к совмещенному (т. е. как к практическому, так и к духовному) самовыражению. Отмечаемое «совместительство» позволяет знаниям стать «пионером духовности». Утверждая индивида пределами макромира, они, вместе с тем, теоретически унифицируют изживающий себя миф «стянутой узлом понятийностью». «Атакованный» ими миф «упорядочивается» «каузальной вытяжкой» с ее причинно-следственным амплуа.

ПРАНАУКА – ПОПРОБУЙТЕ ЕЁ ПРЕВЗОЙТИ!

Итак, с наступлением цивилизации миф уступает место науке, выступающей как пранаука (или преднаука). Ей человечество обязано величайшими достижениями, такими, как умение добывать и сохранять огонь, приручение животных, становление ремесленного производства, организация городской и сельской жизни, изобретение колеса и большого набора орудий труда, лука и стрел... Последующие достижения человечества, включая освоение космоса, не идут ни в какое сравнение с тем, что было совершено пытливой, хитроумной смекалкой нашими далекими предками при опоре на «научное начало» – пранауку. Духовность здесь направлена на преодоление веры, отступающей на «задворки» сознания. Миф, в котором вера и разум вполне паритетны, не выдерживает цивилизационной критики именно потому, что не принимает «репрессивных мер» против веры. Но сама живая жизнь резко свертывает ее возможности, обеспечивая собственные потребности расширяющей свои права наукой. Постепенно знание онаучивается. Оно отделяется от обыденного сознания, обретающего самостоятельность «расхожим способом» – в непосредственном общении. Время пранауки – это несколько начально-цивилизационных тысячелетий человеческой истории. Возникнув с момента становления вида *Homo Sapiens*, она (история) по-настоящему раскручивается научно обустроенной цивилизацией. Отсюда исторический процесс вне «научной рекогносцировки» никак не «клеится». Становящаяся наука выверяет складывающиеся социальные институты во главе с институтом государства. Государство же, в свою очередь, определяет статус науки, которая со временем – подстегиваемая достижениям НТР – также становится социальным институтом. Преодолевая веру, ранняя наука (т. е. пранаука), как мы уже отметили, стремится к тому, чтобы место веры обрело знание. Оно всегда конструктивно, вера – консервативна; и как таковая она обращена в расплывчатую вневременность. Это мешает разворачиванию уже ничем не сдерживаемого прогресса. Цивилизация призвана подталкивать его ширя-

щейся индивидуализацией сообщества, осуществляемой под воздействием «моногамно-патриархального фактора». Производственная мощь прогресса зиждется на том срезе феномена индивидуализации, который представлен рационально репрезентируемым «мужским зарядом». Это позволяет интенсифицировать «знаниевый реестр» человеческой духовности, непременно оборачивающийся той или иной разновидностью науки. Наука получает мощный стимул с той стороны движения как единственного способа существования материи (речь идет о ее социальном уровне), которая (т. е. данная сторона) является ведущей и представлена изменчивостью. ... Мужской пол «лелеет» изменчивость, которая сполна выражает общественный прогресс. Связывая с ним несущий знания разум, мы наблюдаем некую отъединенность духовности от ее носителя – природного образования: телесно запечатленного человека. Духовность оказывается отчужденной от индивида под воздействием рации. Такое состояние вполне объяснимо тем, что сам по себе разум, имея материальную основу в коре больших полушарий, складывается межличностными связями; следовательно, он не появляется на свет вместе с рождением человека, но внедряется в индивидуальное сознание «воспитательной акцией». Образую своеобразное «суперэго» (заимствованный из психоанализа термин «суперэго» мы вовсе не истолковываем во фрейдистском духе, но придаем ему метафорическое звучание), разум саму человеческую духовность выводит за пределы индивидуализированной воспроизводимости. На этом пути разум «орудует» с переменным успехом. В пику ему выдвинута вера, поддерживающая духовность в ее стремлении сохранить связь с телесно выраженным потребностным полем. Однако во времена разложения мифа – а этот период представлен переходом от культуры к цивилизации (т. е. примерно с тринадцатого по восьмое тысячелетие до нашей эры) и становлением начальной науки (или как мы ее традиционно «окрестили»: пранауки) – вера оказывается не у дел и, как мы выше отметили, – нейтрализуема знанием. Такое положение веры определено тем, что она «равнодушна» к «сиюминутной земноданности», оперируя «ареалом вечности». Но чтобы попасть туда, каждому надлежит на своих плечах пронести «земной крест». И человеческая духовность приходит к согласию с самой собою: на вполне определенное время – время цивилизационного размаха: с восьмого тысячелетия до нашей эры по сию пору – она отдает пальму первенства рации с его макромирной, предметно-практической «завербованностью». Ведь если человеческая духовность будет иметь два равноправных очага самовыражения – рацию и веру, – она непременно «пробуксует» ситуацией «Буриданова осла»: подвергнет себя «дурнобесконечному недеянию».

РЕЦЕПТУРНАЯ НАУКА – СТИМУЛЯТОР РЕЛИГИИ. РЕЛИГИЯ ДИСКРЕДИТИРУЕТ ВЕРУ

...Цивилизация потребовала от человечества «рационального наката» с целью выживания здесь, на Земле; и «вычлняющаяся» из мифа пранаука стимулировала, как мы уже видели, необыкновенный расцвет человеческой практики, приведший к становлению общественных отношений – предметного выражения социальной формы движения материи. Эволюция пранауки выводит ее на рецептурный уровень, связанный с еще большей нейтрализацией веры. Если пранаука, как мы видели, «приподымает» завесу над «цивилизационным разливом», то рецептурная наука по времени приближается к первому тысячелетию до нашей эры. Конечно, предлагаемое поэтапное деление науки довольно условно, тем не менее, без него трудно объяснить, когда зародилась религия. Рецептурный этап складывающейся науки специфичен тем, что оттесняемая разумом на дальний план духовности вера под его (т. е. разума) воздействием увязает «неотмирной пучиной». Это так и есть ввиду опоры веры на информацию, поступающую из трансцендентной реальности (или из «запредела»). Но хотя внутреннеощущаемая информация прибывает в мозг человека «оттуда» – из микромира, – она, сосредоточиваясь границами духовности, присутствует «здесь и теперь», и с этим ничего нельзя поделать. – Но нет – можно. Коль скоро ведущее положение в регистрируемом случае занимает иллюзорно-компенсаторная деятельность, веру испытывает разум. Эту работу он выполняет с далеко идущей целью нейтрализовать веру и вывести ее из игры за утверждение человека его земным предназначением. Иллюзорно-компенсаторная составляющая веры – это та ее часть, которая непосредственно соприкасается с рацио. Со стороны рацио идет такая обработка указанного компонента веры, когда он обретает превращенное состояние – утверждается в качестве религиозного мотива. Религия, таким образом, выступает иллюзорным компенсатором аутентичной человечности в сфере общественных отношений. Впоследствии она становится важной стороной духовности. Нас же здесь интересует то, что генезис религии связан с утверждением рацио и непосредственно связанным с ним знанием – важными средствами утверждения человека системой общественных отношений и, наоборот, коллективной собранностью индивидов указанной системы. В качестве иллюзорного компенсатора религия накладывает печать своего воздействия на веру; и создается – опять-таки иллюзорное – представление о том, что вера – это нечто религиозное. Дело, однако, обстоит иначе, поскольку вера хоть и обладает иллюзорной компенсаторностью, вместе с тем не ее предлагает индивиду, сообществу, но (как показывает наше время) – виртуальную реальность. Будучи пронизанной личностным настроем, «виртуал» опирается на глобально расширенную искусственную среду, а не на мир не от

«мира сего» (на чем настаивает религия с ее «иллюзорно-компенсаторным реноме»). Обыденному сознанию виртуальная реальность предстает выражением «обволакивающей» внутренний мир индивида «вселенской отрешенности». Чтобы преодолеть ее, надлежит повседневно-практической деятельностью «прорываться» к естественной природе, изначально социумом организовавшей человечество. Тогда окажется: «виртуал» – это своеобразное марево, производное от «глобальных предначертаний человечества». Так-то себя преломляя, он способствует ноосферному обустройству планеты Земля (но не религиозному ее преобразению: ведь религия настаивает на земноотрешенности). ...Осветим далее рецептурную науку. Она закрепляет знания усиливающейся теоретизацией субъекта духовной деятельности: индивида либо коллектива. «Рецептурность» науки направлена на «расшифровку личностной стати» (говорим о «расшифровке» в связи с начальной проявленностью индивидуальных возможностей, характерной для описываемого времени), которая действительно утверждается преобразованием знания – формированием в нем элементов научной теории. Перед нами так называемое чистое знание – знание, освобожденное от «вероисповедного шума». «Расфасовываемое» рецептурной наукой знание, приобретая, как это мы здесь показываем, зачатки теории, одновременно направлено на то, чтобы сбросить веру с «верхних эшелонов духовности», предоставив их в распоряжение рационально воспроизводимой живой жизни. Происходит тесное – благодаря теоретически насыщаемому знанию – сближение социообусловленной и вместе с тем индивидуально «подверстанной» поступочной деятельности с макросредой как единственным источником осуществляющихся перспектив всеобщего выживания. Рецептурный этап становящейся науки по времени совпал с подготовкой древнего общества к рабовладению (попутно отметим, что зарождение цивилизации нами уже привязано к нему), когда потребовалась рефлексия по поводу обобщенного видения жизненных противоречий. Это нужно было для того, чтобы найти какой-то разумный выход из разрастающихся классовых перипетий. Отмечаемая рефлексия может быть отнесена к философии, которая, как и наука, опирается на рацио и занимает оставленные верой верхние этажи духовности. Оттесненной в «подсознание» (закавычиваем это слово из-за его метафоричности) вере неуютно там, и сложившаяся на пересечении с нею и рацио религия как превращенная форма синтеза рассматриваемых пограничных друг по отношению к другу компонентов духовности активно помогает философскому самоутверждению «просыпающейся» личности. «Заодно» религия устремлена к замещению веры. Интересующий нас генезис религии наблюдается тогда, когда рецептурная наука, исходя из социальных предпосылок (к их числу следует отнести заметно крепнущее рабство и связанное с ним развертывание общественных – «демолиберальных» – отношений, при поддержке которых завладевший

свободой индивид так и не находит ей применения ввиду «цивилизационных пут»), возмела потребность определиться социальным институтом. До него, к сожалению (или к счастью!), рецептурная наука не «дотянула». Лишь сейчас наука (и вовсе не рецептурная, но современная) обрела институционализацию. Зато рецептурная наука открыла для себя – и в целом для человечества – заделом «осевого времени» («осевое время», по К. Ясперсу /1883–1969/, –800–200 гг. до н. э.; оно вобрало широкий пласт высокой духовности, «выложенный» великими учителями человечества – Конфуцием /552/551–479 до н. э./, Буддой /623–544 до н. э./, библейскими пророками, древнегреческими поэтами Гомером /между 12 и 7 вв. до н. э./, Гесиодом /8–7 вв. до н. э./ и мыслителями Пифагором /ок. 570–496 до н. э./, Сократом /469–399 до н. э./, Платоном /428/427–348/347 до н. э./, Аристотелем /384–322 до н. э./...) философию, и это стало величайшим достижением человеческого гения, впервые представленным выразителями Милетской школы Фалесом /ок. 625 – ок. 547 до н. э./, Анаксимандром /ок. 610 – ок. 540 до н. э./, Анаксименом /ок. 588 – ок. 525 до н. э./.

Философия – способ обобщенно выраженного духовного воспроизведения индивидом (и социумом) своего места в мире – практически обусловлена преимущественной связью с наукой, которая своим рецептурным этапом – при опоре на религию – «позволила» складывающейся философии использовать «авуары веры».

НЫНЕШНЕЕ СТРЕМЛЕНИЕ ВЕРЫ К САМОУТВЕРЖДЕНИЮ. О СОЦИАЛЬНЫХ КОРНЯХ РЕЛИГИИ

Сегодняшняя ситуация не совпадает с тем, что сказано выше. Философия переживает кризис, и вера, оттесняя религию, решительно заявляет о себе паритетной соотнесенностью с рацио. Но это – специальная тема, ждущая своего разбора. Интересующие нас корни религии выросли в один из интереснейших периодов становления цивилизации с его диалектикой общего, представленного складывающейся демократией (мы имеем в виду ее носителей – древних греков), и особенного, «отрекомендовавшегося» унижающим человека рабством. Социальные корни религии, определившие ее «неотмирность», кроются в стремлении различных слоев тогдашнего народонаселения сохранить себя наработанными социально-природными нишами. Ныне эта тенденция неизмеримо усилилась, обретя опору в институте церкви (ему удалось сформироваться тогда, когда такое оказалось не под силу рецептурной науке) с его желанием привнести успокоение как в «горний мир» (что, собственно, и составляет цель религиозной духовности с ее тягой к богу), так и в «мир дольний» с его преходящими житейскими радостями и страданиями, трагической обреченностью краткосрочного человеческого существования...